

Joris-Karl
HUYSMANS
1848 – 1907

Жорис-Карл
ГЮИСМАНС

Наоборот

Роман

Санкт-Петербург

УДК 821.133.1
ББК 84(4Фра)-44
Г 99

Joris-Karl Huysmans
À REBOURS

Перевод с французского М. Головкиной

Серийное оформление В. Пожидаева

Оформление обложки Т. Павловой

ISBN 978-5-389-23658-5

© Издание на русском языке,
оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2023
Издательство Азбука®

Я хочу искать радостей вне времени... хотя бы мир и пришел в ужас от моих восторгов и, по своей грубости, не узнал того, что я хочу сказать.

Рейсбрук Удивительный

ВВЕДЕНИЕ

Судя по некоторым портретам, сохранившимся в замке де Лур, род Флоресса дез Эссента в былые времена состоял из могучих рыцарей и грубых вояк. Сдавленные старыми рамами, которые распирались их богатырскими плечами, эти воины наводили страх своими неподвижными глазами, своими, как ятаганы, усами и выпуклой грудью, покрытой панцирем, как огромной раковиной.

Это были предки; от последующих же поколений не осталось портретов, и в семейной галерее этого рода было пустое место. Только одно полотно служило связью между прошлым и настоящим: таинственная и хитрая голова с безжизненными истонченными чертами лица, со скулами, отмеченными пятнами румян, с напомаженными и украшенными жемчугом волосами, с набеленной шеей, выступающей из выреза жестких брыжей.

Уже в этом изображении одного из наиболее интимных приближенных герцога д'Эпернона и маркиза д'О обнаруживались пороки вырождающегося организма и видно было преобладание лимфы в крови.

Падение этого древнего рода, без всякого сомнения, шло своим правильным ходом. Особенно резко была выражена склонность мужчин к женственности; и, как будто для того, чтобы довершить работу веков, дез Эссенты в продолжение двух столетий связывали браком своих детей между собой, ослабляя остаток их сил в единокровных союзах.

Из этого некогда столь многочисленного рода, занимавшего почти все территории Ильде-Франса и Бри, остался единственный отпрыск, герцог Жан, расслабленный молодой человек, тридцати лет, анемичный и нервный, со впалыми щеками, со стальным взглядом холодных голубых глаз, с большим, но прямым носом, с сухими и тонкими руками.

И — странное явление атавизма — последний потомок был похож на древнего предка, «фаворита»: такая же, как у него, острая белокурая борода, такое же двойственное выражение лица, лукавое и усталое в одно и то же время.

Детство его было печально. Измученный золотухой, одолеваемый упорными лихорадка-

ми, он пережил период возмужалости только благодаря чистому воздуху и хорошему уходу; а позднее спасли его нервы: они побороли бессилие и дряблость, происходящую от малокровия, и довели до конца процесс его развития и роста.

Мать, высокая женщина, молчаливая и бледная, умерла от истощения, отец умер от какой-то неопределенной болезни; дез Эссенту было тогда семнадцать лет.

Он сохранил о своих родителях только жуткие воспоминания, без благодарности, без любви. Отца, жившего обыкновенно в Париже, он едва знал, мать он вспоминал неподвижно лежащею в темной комнате замка де Лур. Изредка муж и жена встречались, и в его памяти вставляли эти дни бесцветных свиданий; отец и мать, сидящие друг против друга за круглым столиком, при одной только лампе с большим, низко опущенным абажуром, так как нервы герцогини не выносили ни света, ни шума; в те дни они едва обменивались двумя-тремя словами, затем герцог равнодушно прощался и как можно скорее уезжал.

У иезуитов, куда Жан был отправлен учиться, его жизнь была спокойнее и уютнее. Отцы иезуиты обласкали ребенка, поразившего их своим умом, хотя, несмотря на все старания, они не могли добиться того, чтобы он отдался

регулярным занятиям; он хватался за разные предметы, очень быстро и основательно изучил латинский язык, но зато совсем не мог связать двух слов по-гречески, не обнаруживал никаких способностей к новым языкам и оказался совершенно тупым, когда старались втолковать ему элементарные начала наук.

Его семья мало занималась им; изредка отец навещал его в пансионе. «Здравствуй, здравствуй, — говорил он, — будь умным, учись хорошенько». На каникулы, летом, его брали в замок де Лур; присутствие его не выводило мать из ее задумчивости, она едва замечала сына или смотрела на него в продолжение нескольких минут со скорбной улыбкой, затем снова погружалась в искусственную ночь, царившую в комнате благодаря плотным занавесям на окнах. Слуги были скучные и старые. Ребенок, предоставленный самому себе, в дождливые дни рылся в книгах, а в хорошую погоду бродил по полям. Большой радостью для него бывало спускаться в небольшую долину, доходить до деревни Жютины, расположенной у подножия холмов — маленькой кучки домиков в соломенных чепцах, усеянных пучками зеленицы и пятнами мха. Он лежал на лугу, в тени высоких стогов, слушая глухой шум водяных мельниц и вдыхая свежий воздух, струившийся с Вульси. Иногда он спускался до торфяных

болот, до черной и зеленой деревушки де Лонгвилль, или же взбирался на косогоры, нанесенные ветром, откуда пространство казалось беспредельным. Там с одной стороны, под ним, была видна ему долина Сены, убегающая в бесконечную даль, сливаясь с голубым небом; с другой, высоко на горизонте, — церкви и башни Прованса, которые, казалось, дрожали на солнце в золотистой, воздушной пыли. Он читал или грезил, оставаясь до самой ночи в полном одиночестве. Оттого что он постоянно был занят одними и теми же думами, его ум сделался сосредоточеннее, а мысли его, еще не оформившиеся, стали более зрелыми. После каждой каникул он возвращался к своим учителям более вдумчивым и более самостоятельным; перемены эти не ускользали от них — проницательные и хитрые, привыкшие проникать в самую глубь души, они не заблуждались насчет этого живого, но непокорного ума. Они поняли, что этот ученик никогда не будет способствовать славе их учреждения, и, так как его семья была богата и, видимо, не интересовалась будущностью ребенка, они перестали готовить его к выгодным поприщам, открытым для их учеников. Хотя он охотно спорил с ними о всяких теологических доктринах, привлекавших его своими тонкостями и казуистическими хитростями, отцы и не думали о том,

чтобы посвятить его в орден, так как, несмотря на все их старания, вера его оставалась слабой. В конце концов, из осторожности и из боязни неизвестного, они разрешили ему изучать то, что ему нравится, и пренебречь остальным, так как не хотели потерять уважение этого независимого ума из-за насмешек светских пустышек.

Так жил он, вполне счастливый, почти не чувствуя родительской власти монахов; он продолжал свои латинские и французские занятия по собственному усмотрению, и, хотя теология не входила еще в программу его уроков, он пополнил свой курс этой наукой, начатой им в замке де Лур, в библиотеке, которую завещал его прадед Дом Проспер, старый приор монахов-каноников Сен-Руфа.

Но настало время, когда нужно было покинуть школу иезуитов; он достиг совершеннолетия, став полноправным обладателем своего состояния; двоюродный брат его и опекун граф де Моншеврель сдал ему отчет. Прежние отношения с ним продолжались недолго, так как не было точек соприкосновения между этими двумя людьми, из которых один был стар, другой — молод. Из любопытства, от нечего делать, из вежливости дез Эссент посещал его семью и несколько раз попадал в его отеле, на

улице де-ля-Шез, на томительные вечера, на которых родственницы, древние как мир, говорили о дворянских фамилиях, о геральдических причудах, о старинных церемониалах. Мужчины, сидящие за вистом, казались еще более застывшими и ничтожными существами, чем эти старухи. Потомки древних рыцарей, последние ветви феодальных родов, являлись дез Эссенту в образе полупомешанных стариков со слезящимися глазами, пережевывающих пошлые разговоры, столетние фразы. Как будто в этих старых черепах только и было, что цветок лилии, отпечатанный в их размягченных мозгах, как в обрезанном стебле папоротника. Невыразимую жалость чувствовал молодой человек к этим мумиям, погребенным в своих склепах из дерева и камня, во вкусе Помпадур, к этим противным бездельникам со взорами, постоянно устремленными на призрачный Ханаан, на воображаемую Палестину.

После нескольких посещений он, несмотря на приглашения и упреки, решил больше никогда не бывать там.

Затем он сошелся с молодыми людьми своего возраста и своего круга. Одни, получившие воспитание вместе с ним в католическом пансионе, сохранили на себе от этого воспитания особый отпечаток. Они ходили в церковь, на

Пасхе причащались, часто посещали католические кружки и скрывали, как преступление, те предложения, которые они, опуская глаза, делали девицам. Это были большею частью неразвитые и лицемерные щеголи, торжествующие лентяи, утомившие терпение своих наставников, но тем не менее удовлетворившие их желание показать обществу послушных и благочестивых людей. Другие, воспитанные в светских коллегиях или в лицеях, были менее лицемерны и более свободны, но и они были так же неинтересны и так же узки. Это были кутилы, увлеченные опереткой и скачками, играющие в ландскнехт и баккара, рискующие всем своим состоянием из-за лошадей, карт и дорогих удовольствий, существующих для пустых людей.

Безграничная скука была результатом годичного пребывания в этой компании; ее удовольствия казались дез Эссенту низкопробными и дешевыми, переживаемыми ими без разбора, без увлечения, без истинного возбуждения крови и нервов.

Мало-помалу он покинул их и сошелся с литераторами, с которыми его мысль должна была найти больше общего и с которыми он должен был чувствовать себя лучше. Но это был новый обман; его возмущали их злые и жал-

кие суждения, их разговоры, плоские, как церковная дверь, их безвкусные споры, измеряющие ценность произведения количеством изданий и прибыльностью продажи. В то же время он увидел свободных мыслителей, доктринеров буржуазии, людей, проповедующих полную свободу, чтобы задушить мнения других, жадных и бесстыдных пуритан, которых он уважал как школу, но которые оказались ниже сапожников. Его презрение к людям возрастало; он понял наконец, что мир в большей своей части состоит из наглых людей и глупцов. Решительно у него не было никакой надежды сойтись с такой душой, которая бы, как он сам, находила удовольствие в созерцательном покое, и подружиться с каким-нибудь писателем или ученым, у которого был бы такой же острый и отточенный ум, как у него. Расстроенный, недовольный, возмущенный ничтожеством мыслей, которыми ему приходилось обмениваться, он стал человеком, о которых говорил Николь, что они всюду грустят; он дошел до того, что стал царапать себе руки, страдать от патриотического и общественного вздора, передаваемого каждое утро газетами, раздражаться от восхищения, которого у всемогущей публики всегда достаточно в запасе для произведений, написанных хотя бы и без мысли, и без стиля.

Он стал мечтать об изысканной пустыне, о покойном уединении, о неподвижном уютном ковчеге, где бы он мог укрыться от бесконечного потока человеческой глупости.

Единственная страсть — женщина — могла бы еще удержать его от презрения ко всему миру, душившего его, но и она тоже была исчерпана. Он испробовал чувственные яства — с аппетитом прихотливого человека, одержимого причудами, человека, чувствующего внезапную жадность, но вкус которого быстро утомляется и притупляется. Во время общения с дворянчиками он принимал участие в тех разгульных ужинах, на которых пьяные женщины за десертом расстегиваются и падают головой на стол; бывал он также за кулисами, познал артисток и певиц и испытал на себе, помимо врожденной глупости женщин, еще и безумное тщеславия каботинок; потом он содержал знаменитых кокоток и способствовал обогащению тех агентств, которые доставляют за плату сомнительные удовольствия. Наконец, пресытившись и уставши от этой однообразной роскоши, от этих одинаковых ласк, он спустился до самых низов, надеясь утолить свои желания благодаря контрасту и думая пробудить свои притупленные чувства возбуждающей грязью нищеты. Что бы он ни пробовал, безграничная скука угнетала его. Он

раздражался, прибегал к опасным ласкам виртуозок, но тогда ослабевало его здоровье и обострялась нервная система; затылок становился чрезвычайно чувствительным, и руки дрожали. Они еще держались прямо, когда поднимали тяжелый предмет, но тряслись и опускались, когда держали что-нибудь легкое, например рюмку.

Доктора, с которыми он советовался, испугали его. Настало время покончить с неумеренной жизнью, отказаться от проделок, ослаблявших его силы. Некоторое время он жил спокойно; но вскоре мозжечок возбуждился и призвал опять к оружию. Так же как иные девочки-подростки, которые при созревании набрасываются на противоестественные и гнусные яства, он стал грезить, прибегать к исключительным любовным страстям и извращенным наслаждениям. Тогда настал конец; как будто удовлетворенные тем, что все исчерпано, разбитые утомлением, его чувства впали в летаргию, бессилие было близко.

Он ощутил себя разочарованным, одиноким, страшно утомленным, потерявшим последнее счастье, достичь которого помешала ему немощь его тела.

Окончательно оформились его мечты спрятаться вдали от мира, запереться в уединении, заглушить неугомный шум неутомимой жиз-

ни так, как для больных покрывают улицу соломой. К тому же настало время решиться; подсчет, сделанный им своему состоянию, испугал его; в любовных связях и излишествах он прожил большую часть своего наследства, а оставшая часть, состоящая из земель, приносила ничтожные проценты. Он решил продать замок де Лур, куда он больше не ездил и где не сохранилось для него никаких дорогих воспоминаний, никакого сожаления; он распродал также другие имения, купил государственную ренту и, таким образом, составил себе годовой доход в пятьдесят тысяч ливров; кроме того, он отложил значительную сумму, предназначенную на покупку и отделку домика, где он намеревался окупиться в абсолютный покой.

Он исследовал окрестности столицы и отыскал небольшой домик, который продавался на Фонтенэй-о-Роз, достаточно уединенный, без близких соседей, близ леса. Мечта его исполнилась: в этой местности, где редко появлялись парижане, он был уверен в своей безопасности. Трудность сообщения, которая была обеспечена смешной железной дорогой, находящейся в конце города, и маленькими трамваями, отходящими и приходящими по собственному усмотрению, успокоила его. Думая о новой жизни, которую он хотел устроить, он испытывал радость оттого, что волны Парижа не

будут достигать его, но близость столицы не будет удерживать его в уединении. И действительно, бывает достаточно невозможности поехать туда, куда хочется, чтобы чувствовать особенное желание туда отправиться; дез Эссент питал надежду, что, не отрезая себе возможности вернуться, он не подвергнется соблазну броситься в опостылевшее общество.

Он нанял каменщиков, а затем, внезапно, не сообщив никому о своих намерениях, развязался с старой обстановкой, отпустил слуг — и исчез, не оставив консьержу никакого адреса.

I

Прошло больше двух месяцев, прежде чем дез Эссент получил возможность погрузиться в молчаливый покой в своем доме на Фонтенэй; всевозможные покупки заставляли его бродить по Парижу, обходить город из конца в конец.

К каким только розыскам не прибегал он, каким размышлениям не предавался, прежде чем доверить свою квартиру обойщикам!

Он уже давно был знатоком чистых и неправильных тонов.

В прежнее время, принимая у себя женщин, он устроил будуар, где среди маленькой резной мебели из светлого японского камфарного дерева, под шатром из розового индийского атласа телá принимали нежную окраску от света, который смягчался, просвечиваясь сквозь материю.

Эта комната, где зеркала отдавались эхом и отражали до бесконечности ряд розовых бу-

Гюисманс Ж.-К.

Г 99 Наоборот : роман / Жорис-Карл Гюисманс ; пер. с фр. М. Головкиной. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2023. — 320 с. — (Азбука-классика).
ISBN 978-5-389-23658-5

Жорис-Карл Гюисманс (1848–1907) — французский писатель с голландскими корнями. Начинал он как приверженец натуралистической школы, но в 1884 году опубликовал роман «Наоборот» — произведение, ставшее манифестом европейского декаданса.

Центральная фигура романа — герцог дез Эссент, тонко чувствующий, испытывающий глубокое отвращение к современной ему жизни. Он богат и может позволить себе отстраниться от неприглядной действительности, ему доступны любые капризы и наслаждения, он может даже создать свой собственный мир, по своим правилам... Но можно ли выжить и сохранить рассудок в этом изысканнейшем из пространств?..

УДК 821.133.1
ББК 84(4Фра)-44

Литературно-художественное издание

ЖОРИС-КАРЛ ГЮИСМАНС

НАОБОРОТ

Ответственный редактор Елена Адаменко
Художественный редактор Татьяна Павлова
Технический редактор Мария Антипова
Компьютерная верстка Михаила Львова
Корректоры Людмила Дубовая, Елена Терскова
Главный редактор Александр Жикаренцев

Подписано в печать 24.07.2023. Формат издания 76 × 100 ¹/₃₂.
Печать офсетная. Тираж 2000 экз. Усл. печ. л. 14,1.
Заказ № .

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.):

18+

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» –
обладатель товарного знака АЗБУКА®
115093, г. Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Даниловский,
пер. Партийный, д. 1, к. 25

Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, Воскресенская наб., д. 12, лит. А

Отпечатано с электронных носителей издательства.

ООО «Тверской полиграфический комбинат».

170024, Россия, г. Тверь, пр-т Ленина, 5.

Телефон: (4822) 44-52-03, 44-50-34. Телефон/факс: (4822)44-42-15
Home page – www.tverpk.ru. Электронная почта (E-mail) – sales@tverpk.ru

A-AKB-32612-01-R